

Первые годы правления.

По приезду в Москву Михаил Федорович не отпустил выборных земских людей, которые и оставались в Москве до 1615 г., когда они были заменены другими. И так дело шло до 1622 г.; один состав собора сменялся другим, одни выборные уезжали из Москвы к своим делам и хозяйствам и заменялись другими. Относительно Десятилетней (1613-1622) продолжительности Земского собора делались только предположения, так как не было ясных указаний присутствия собора в Москве для всех десяти лет, но мало-помалу эти указания находились, и, наконец, вопрос окончательно разрешил проф. Дитятин (Русская Мысль, дек., 1883 г.), найдя указания и для неизвестного доселе собора 1620 г. Таким образом, в течение десяти лет Москва имела постоянный Земский собор (и после этого времени соборы бывали очень часто и длились долго, но постоянных больше не было). В этом видна мудрая политика, подсказанная правительству самой жизнью: смута еще не прекращалась, и беспорядки продолжались. Нам издали теперь ясно, что смута должна была прекратиться, так как люди порядка стали с 1612-1613 гг. сильнее своих противников; но для современника, который видел общее разорение, казачьи грабежи и бессилие против них Москвы, не мог взвесить всех событий, не понимал отношений действующих одна против другой сил, – для современника смута еще не кончилась, на его взгляд, снова могли одолеть и поляки, и казаки. Вот против них-то и надо было сплотиться сторонникам порядка. Они и сплотились, выражая свое единодушие Земским собором при своем царе. И царь понимал всю важность действовать заодно с избравшими его и охотно опирался на Земский собор как на средство лучшего управления. Никаких вопросов между избравшими царя и их избранником о взаимных правовых отношениях не могло быть в ту минуту. Власть и «земля» были в союзе и боролись против общего врага за существование, за свои «животы», как тогда говорили. Минута была слишком трудная, чтобы заниматься правовой метафизикой, да и не было налицо той вражды, которая всегда к ней располагает.

Действительно, время было трудное. Казаки продолжали бродить и грабить даже под Москвой, а часть их под начальством Заруцкого, захватившего с собой и Марину Мнишек, сперва грабила русские области, потом, разбитая царскими войсками, ушла в Астрахань. Иногда грабили и служилые люди, не обеспеченные содержанием: грабила порой и сама администрация, вызывая смуту слишком тяжелыми поборами и крутыми мерами; да и земские люди затевали по временам смуту, как было на Белоозере, где земщина отказалась платить подати. У правительства в это тяжелое время не было ни денег, ни людей, а между тем война с Польшей все еще продолжалась, выражаясь тем, что летучие польские отряды грабили и разоряли русские области.

И вот московское правительство прежде всего заботится о сборе денег для содержания ратных людей и удовлетворения прочих важных нужд. В первые же дни по приезду царя собором приговорили: собрать недоимки, а затем просить у кого можно займы (просили даже у торговых иностранцев); особая грамота от царя и особая от собора были отправлены к Строгановым с просьбой о помощи разоренному государству. И Строгановы скоро откликнулись: они прислали 3000 р., сумму довольно крупную для тогдашнего времени. Год спустя собор признал необходимость сбора пятой деньги и даже не с доходов, а с каждого имущества по городам, с уездов же – по 120 р. с сохи. На Строгановых по разверстке приходилось 16000 р.; но на них наложили 40000, и царь уговаривал их «не пожалеть животов своих». Далее, правительство заботилось и о защите государства от врагов. Главное внимание сначала привлекал Заруцкий, засевший в Астрахани и старавшийся привлечь на свою сторону казаков с Волги, Дона и Терека, обещая им выгодный

поход на Самару и Казань. У донских казаков он встретил мало симпатий, а часть волжских, именно молодежь, которой все равно было, где бы ни «добыть себе зипунов», склонялась на его сторону; терские же казаки сперва все поголовно поддались ему. Московское правительство точно так же, как и Заруцкий, хорошо понимало, что казаки представляют силу, и старалось их отвлечь от Заруцкого к себе. Москва шлет им жалованье, подарки и даже до некоторой степени им льстит. Казачество, однако, в большинстве теперь понимает, что выгоднее дружить с Москвой, которая окрепла и могла справиться с Заруцким и потому не идет к последнему, хотя Марина Мнишек с сыном находится еще у него. Этим объясняется, что Заруцкий, опасный постольку, поскольку его поддерживали казаки, кончил очень скоро и очень печально: Астрахань возмутилась против него, и небольшой стрелецкий отряд (700 человек), выгнав Заруцкого из Астраханского кремля, где он заперся, разбил его и взял в плен с Мариной Мнишек и ее сыном. Привезенный после этого в Москву, Заруцкий и сын Марины были казнены; Марина же в тюрьме окончила свое бурное, полное приключений существование, оставив по себе темную память в русском народе: все воспоминания его об этой «еретице» дышат злобой, и в литературе XVII в. мы не встречаем ни одной нотки сожаления, ни даже слабого сочувствия к ней.

Уничтожен был Заруцкий, умиротворены Волга и Дон, оставалось покончить с казачьими шайками внутри страны и на севере. 1 сентября 1614 г. Земский собор, рассуждая об этих последних, решил послать к ним для увещания архиепископа Герасима и князя Лыкова. Лыков, отправленный по решению собора, извещал, что казаки то соглашались оставить грабежи и служить Москве, то снова отказывались и бунтовали. Особенно буйствовал атаман Баловень, шайка которого жестоко мучила и грабила население, а затем после переговоров с Лыковым порешила идти к Москве. Подойдя к ней, казаки стали по Троицкой дороге в селе Ростокине и прислали к государю бить челом, что хотят ему служить; когда же начали их переписывать, они снова упорствовали и стали угрожать Москве. Но в то время пришел к Москве с севера кн. Лыков с отрядом войска, а из Москвы – окольный Измайлов и напали на казаков. Казаки несколько раз были разбиты, после чего и разбежались. Часть их была переловлена и разслана по тюрьмам, а Баловень казнен.

При таких-то тяжелых обстоятельствах приходилось еще считаться с Польшей. Находясь в крайних финансовых затруднениях, Сигизмунд не мог предпринять похода на Москву; но польские шайки (иррегулярные) делали постоянно набеги на русские, даже северные, области, воюя Русскую землю «проходом», как метко выражается летопись; точно так же поступали и малороссийские казаки, или черкасы. Против них энергично действовали и жители областей, и сама Москва. Правильной войны, таким образом, не было, но и по избрании Михаила Федоровича Владислав все еще считался кандидатом на московский престол, мир формально не был заключен, и отец царя, Филарет Никитич, находился в плену. Еще в 1613 г. (в марте) из Москвы для размена пленных отправлен был Земским собором дворянин Аладьин. Чтобы не затянуть освобождения Филарета, Аладьину запрещено было говорить об избрании Михаила, в случае же, если об этом спросят, утверждать, что эта неправда. Аладьин виделся с Филаретом и узнал также, что Польша, к выгоде Москвы, теперь совсем не готова к войне. Это так обнадежило Москву, что было приказано воеводам кн. Черкасскому и Бутурлину осадить Смоленск, но здесь им пришлось простоять без всякого действия до июня 1615 г. В конце 1614 г. опять начались дипломатические переговоры с Польшей. Она сама начала их и предлагала съехаться послам на рубеже и начать переговоры о мире. Из Москвы была отправлена с Желябужским ответная грамота с согласием на съезд, и съезд состоялся в сентябре 1615 г. недалеко от Смоленска. Со стороны русских в нем принимали участие кн. Воротынский, Сицкий и окольный Измайлов; со стороны поляков –

Ходкевич, Лев Сапега и Гонсевский (все знакомые русским людям). Посредником же служил императорский посол Эразм Ганзелиус. Но переговоры эти, длившиеся до января 1616 г., ничем не кончились, отношения двух держав продолжали оставаться неопределенными.

Это было тем более тяжело, что так же неопределенны были и отношения к Швеции. Последняя тоже имела своего кандидата в русские цари, королевича Филиппа, и вместе с тем состояла в войне с Москвой. Как в переговорах России с Польшей посредником был немец Ганзелиус, так здесь ту же роль играл англичанин – Джон Мерик. Только Швеция раньше начала серьезную войну (осенью 1614 г.), хотя Густав Адольф нуждался в средствах, как и Сигизмунд. Несмотря на то, что он довольно удачно вел войну и взял несколько городов, он в то же время с удовольствием согласился на мирные переговоры, продолжавшиеся целый год, с января 1616 по февраль 1617 г., сначала в Дедерине, а потом в Столбове. По Столбовскому договору 1617 г. решено было следующее: Густав Адольф уступал русским все свои завоевания, не исключая Новгорода, брал 20000 руб. и оставлял за собой южный берег Финского залива с Невой и городами: Ямом, Иван-городом, Копорьем и Орешком – теми самыми городами, которые в 1595 г. Борисом Годуновым были возвращены Москве. Миром Густав-Адольф остался доволен: действительно, он избавился от одного врага (их оставалось теперь только два: Дания и Польша), кроме того, он сильно нуждался в деньгах и получил их. Да и дипломатические цели его были достигнуты: он не раз хвастливо говорил на сейме про Москву, что теперь этот враг без его позволения не может ни одного корабля спустить на Балтийское море: «Большие озера – Ладожское и Пейпус, Нарвская область, тридцать миль обширных болот и сильные крепости отделяют нас от него; у России отнято море и, даст Бог, теперь русским трудно будет перепрыгнуть через этот ручеек». Но Столбовским миром и Москва достигла своей цели: во-первых, к ней вернулась имеющая большое для нее значение Новгородская область: во-вторых, одним претендентом, как и одним врагом, стало меньше. Теперь можно было смелее обращаться с Польшей.

И вот еще летом 1616 г. Москва начала наступательную войну против поляков, которая, впрочем, никаких серьезных последствий не имела. И в это же время Варшавский сейм решил отправить Владислава добывать Москву, но действовать поляки не спешили и много сил не тратили. Королевич выступил только через год с маленьким войском, всего в 11000. Но теперь Москва не была готова выступить даже против незначительного войска Владислава. Она расположила по городам сильные гарнизоны и ограничивались одной обороной. Между тем славное войско Владислава, шедшее «навести заблудших на путь мира», не получало жалованья, а потому бунтовало и грабило, а Владислав тщетно просил помощи из Польши, «его питавшей»; только в 1618 г. сейм ассигновал ему небольшую сумму денег с обязательством окончить войну в тот же год. Тогда летом 1618 г. королевич стал действовать под Можайском, чтобы при движении к Москве не оставить у себя в тылу Лыкова с войском, который сидел в Можайске; он несколько раз пытался овладеть городом, но все усилия его были тщетны. В этой осаде прошло семь месяцев, так что Владиславу для приобретения славы оставалось их только пять; из Варшавы же шли одни обещания, войско, не получая жалованья, опять начало бунтовать, а потому в сентябре 1618 г. Владислав решился идти на Москву, не взяв Можайска; туда же шел с юга и гетман Сагайдачный. Соединившись, они сделали приступ, но взять Москву не могли, потому что москвичи успели приготовиться к осаде. Тогда Владислав отступил к Троицкой Лавре и требовал ее сдачи, но также безуспешно. Наконец, он вступил в переговоры, и заключено было в деревне Деулине (около Лавры) так называемое Деулинское перемирие. Решили разменяться пленниками; Польша удержала свои завоевания (Смоленск и Северскую землю), а

Владислав не отказался от претензий на московский престол. Тяжелы были условия для Москвы, но невелика и слава королевича. И вот 1 июля 1619 г. на реке Поляновке (около Вязьмы) произошел обмен пленными; вследствие этого Филарет Никитич и те члены великого посольства, которые дожили до этого дня, вернулись на родину. Увидали родную землю Томило Луговской, твердый и честный деятель посольства, Шеин, защитник Смоленска; но умер в чужой стране «столп» русского боярства В. В. Голицын. В середине июня, через две недели после освобождения, Филарет Никитич приехал в Москву, а 24 июня он был поставлен в патриархи. Со смерти Гермогена (1612) в Москве не было патриарха, потому что патриаршество назначалось уже давно государеву отцу.

С приездом его началось так называемое двоевластие: Михаил стал управлять государством с помощью отца – патриарха. Чтобы понять разницу, от этого происшедшую, посмотрим, что делалось в Москве ранее возвращения патриарха. Михаил Федорович вступил на престол шестнадцатилетним мальчиком; понятно, что мы должны искать влияний на него. Но среди бояр нельзя различить такого преобладающего лица, каким был Годунов при Федоре Ивановиче; да и вообще о придворной жизни того времени можно лишь догадываться за неимением определенных сведений. Сам Михаил Федорович был человек умный, мягкий, но бесхарактерный; может быть, за неимением данных, а может быть, так было и в действительности, но перед нами он является заурядным человеком, не имеющим «личности». В детстве он воспитывался под федулой своей матери, Ксении Ивановны, урожденной Шестовой. Филарет Никитич был человек крутого и жестокого нрава, но жена его в этом отношении, пожалуй, еще превосходила его. Достаточно взглянуть на ее портрет, на низко опущенные брови, суровые глаза, крупный, с горбиной, нос, а всего более на насмешливые и вместе с тем повелительные губы, чтобы составить себе понятие об ее уме, сильном характере и воле, но эти признаки мало говорят о мягкости и доброте. Все пережитое ею до 1613 г. – постоянные лишения, ссылка и монастырь, вынужденное смирение, столь несходное с ее характером, затем разлука с мужем и сыном, беспрестанное беспокойство за их жизнь – все это еще более закалило ее характер и глубже заставило почувствовать всю силу доставшихся ей свободы и власти. Понятно, какое давление должна была оказывать такая энергичная мать на мягкий характер сына, который, вероятно, как в детстве, так и теперь не выходил из ее воли, не противоречил ей, – она-то и действовала за ним, когда он стал царем. Сделавшись царицей, Марфа взяла весь скарб прежних цариц в свои руки, дарила им боярынь, стала жить совершенно по-царски и занималась больше всего религией и благочестивыми делами как царственная монахиня; но имела также громадное влияние на дворцовую жизнь, направляла ее, выдвигала наверх свою родню, ставила ее у дел и тем самым давала ей возможность, пользуясь покровительством всемогущей старицы-Царицы, делать вопиющие злоупотребления и оставаться без наказания. В числе ее любимой родни были и Салтыковы, знаменитые своими интригами в первые годы царствования Михаила Федоровича. Но изо всех креатур старицы Марфы, умевших устраивать свои дела, ни одного не являлось такого, который мог бы устраивать дела государственные и дал бы твердое направление внутренней и внешней политике. Московская политика того времени не имела определенного пути и шла туда, куда толкали случайности. Земские соборы решали те дела, которые давались им на рассмотрение администрацией. Но не было в администрации человека, который бы знал, что нужнее дать на суждение собору, и часто собору передавалось рядом с важными делами и обсуждение таких дел, которые давно в принципе были решены и требовали лишь исполнительных мер (дело о казаках в сентябре 1614 г.).

Так стояли дела до 1619 г. Молодой царь не имел хороших советников, зато

вокруг него были люди, способные на дворцовые интриги и административные злоупотребления, на обман и «мздоимание», как выражается псковский летописец. Но дела в Москве переменились, когда приехал государев отец, личность умная, способная и привыкшая к делам.

Филарет Никитич – в молодости первый красавец и щеголь в Москве – в лучшие годы был пострижен в монахи «неволею»; ему пришлось затем испытать и тюрьму, и жизнь в Тушине, и польский плен, одним словом, пережить очень много, но это еще более закалило его и без того сильный характер. В смуте он стоял лицом к лицу с важнейшими государственными вопросами и приобрел к ним навык – стал государственным человеком. Но та же жизненная школа, которая воспитала в нем волю и энергию и образовала ум, сообщила жестокою неровность, суровость, даже деспотический склад его характеру. Когда Филарет был поставлен в патриархи, ему присвоен был, как и царю, титул «великого государя». В новом великом государе Москва сделала большое приобретение, она получила то, в чем более всего нуждалась: умного администратора с определенными целями. Даже в сфере церковной Филарет был скорее администратором, чем учителем и наставником церкви. У нас сохранились отзывы современников о нем: один из них говорит, что Филарет «божественное писание отчасти разумел, нравом опальчив и мнителен, а владителен таков был (т. е. взял такую власть), яко и самому царю бояться его; бояр же всякого чина людей царского синклита зело томляше заключениями... и иными наказаниями; до духовного же чину милостив был и не сребролюбив, всякими же царскими делами и ратными владел». Действительно, приехав в Москву, Филарет завладел ратными и всякими царскими делами и сумел, не нарушив семейного мира, очень скоро разогнать тех, кого выдвинуло родство с его женой. Первыми из подвергшихся опале были Салтыковы, отправленные им в ссылку по делу Хлоповой. Последнее в высшей степени интересно.

Еще ранее 1616 г. чадолюбивая Марфа позаботилась приискать сыну невесту, причем выбор ее пал на Марию Хлопову из преданного Романовым рода Желябужских; она жила при Марфе и в 1616 г. была объявлена формально невестой царя. Но браку царя помешала вражда Салтыковых к Хлоповым, – в них царская родня увидела себе соперников по влиянию. Поводом к вражде послужил ничтожный спор отца царской невесты с одним из Салтыковых. Незадолго перед свадьбой произошла неожиданная болезнь невесты, пустая сама по себе, но получившая другой вид благодаря интригам Салтыковых. Они воспользовались этой болезнью, Хлопова была сочтена «испорченной» и сослана вместе с родными, обвиненными в обмане, в Тобольск. По возвращении Филарета интрига царской родни была открыта и Хлопову решено воротить из ссылки, особенно потому, что Михаил, этот мягкий и безличный на вид юноша, все еще продолжал горячо любить свою бывшую невесту и, беспрекословно уступая матери во всем остальном, решительно воспротивился ее желанию женить его на другой. Но Марфа, стоявшая за Салтыковых, не пожелала возвращения Марии во дворец и настояла на том, чтобы Хлопову оставили в Нижнем Новгороде, поселив на прежнем дворе умершего Кузьмы Минина. Салтыковы же были отправлены на житье в свои вотчины. Не сразу отказавшись от Хлоповой, Михаил Федорович женился только на 29 году своей жизни (случай крайне редкий, потому что браки тогда обыкновенно совершались рано) на Марии Владимировне Долгоруковой, скоро умершей, а затем, во второй раз, на Евдокии Лукьяновне Стрешневой.